

ЧЕЛОВЕК ТЕАТРА

Сегодня исполняется 80 лет со дня рождения выдающегося деятеля советского театрального искусства Михаила Николаевича Кедрова, весь творческий путь которого был связан с Художественным театром. Мы публикуем воспоминания заслуженного деятеля искусств РСФСР профессора Вл. Пименова о его встречах с М. Н. Кедровым.

Свои воспоминания о Кедрове, одном из выдающихся театральных деятелей, талантливым ученике К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, я начну с грустного события. Мы были в Малом театре на каком-то собрании, Кедров сидел в президиуме. Неожиданно из-за кулис к нему подошел один из сотрудников Малого театра, что-то прошептал ему на ухо. Кедров тотчас же поднялся. «У нас в театре несчастье. Умер Хмелев...», — сказал он мне. Мы вышли на улицу. Был уже поздний вечер, на улице тихо. Мы подошли к МХАТу, там еще шел спектакль. Хмелев лежал в ложе рядом со сценой. Жизнь великого артиста оборвалась.

И мне вспомнился эпизод из времен моего директорства в Театре имени Евг. Вахтангова. Однажды на спектакль «Нити» пришел Хмелев. Я с радостью встретил его. Он показался мне очень усталым, много курил, одет был буднично, не видно было, что он «собирался» в театр. Говорил тихо. В антрактах заходил ко мне, очень хвалил спектакль, восхищался режиссерским талантом Рубена Николаевича Симонова, его музыкальностью. После спектакля он снова зашел, попрощался, передал привет Симонову, и я вновь увидел его какие-то тяжело-грустные глаза, поникшую голову, сумрачное лицо. Потом, при воспоминании о Хмелеве, он всегда таким вставал перед глазами — чем-то похожий на Тузенбаха из последнего акта...

Кедров был до крайности расстроен смертью Хмелева, у него дрожали руки и выражение лица было растерянно-жалкое.

Ушел еще один руководитель МХАТа. К руководству театром пришел Кедров.

Разные случались у меня встречи и беседы с Михаилом Николаевичем — и в официальной, и в неофициальной обстановке. Но он интересный собеседник, прекрасный человек, обаятельный, ласковый, совсем не актерской внешности. Говорил мало, с лукавinkой, с мягкой иронией, и вес-

ти с ним разговор было не так-то просто.

Наши деловые, служебные отношения сложились по-доброму товарищескими, но и здесь не оставляла его эта тонкая лукавинка: «А что же вы не очень со мной открытеньки, ну-ка, скажите еще что-нибудь, откройтесь мне, чтобы мне все было ясно». При этом он всегда смотрел вам в глаза.

С должностными лицами Комитета по делам искусств он любил встречаться в театре. «У меня есть к вам вопросы. Приходите к нам. Здесь, в театре, спокойнее. Посидим и, кстати, поговорим... Для театра главное — размышление, разговор, хорошие, доверительные беседы», но и здесь он старался уйти от служебной обстановки: говорить можно не в кабинете, а в комнате отдыха, в фойе, где со стен смотрят портреты мхатовцев. Сколько раз я слышал фразу, которой он начинал разговор: «Нет, вы меня не любите. А? Почему вы меня не любите?» — И, произнося эту фразу ласковым своим тенорком, он пылливо вглядывался в лицо.

Но это была фраза, которая, по существу, не имела значения: Кедрова нельзя было не любить. Разговаривая с ним, хотелось побольше узнать о нем, о его вкусах, склонностях, интересах.

— Я себя считаю актером. Мои великие учителя готовили нас к сцене, и каждый из нас прежде всего был актер. Все мхатовские режиссеры были прежде всего актеры, они должны были на себе, на своей шкуре испытать все, чему учили нас Константин Сергеевич и Владимир Иванович, испытать чувство актерского перевоплощения в образ, а потом уже, будучи режиссером, исходить из своего сценического опыта. Судакон, Хмелев, Раевский, Леонидов были актерами, ими оставались всегда. Пожалуй, из нашего поколения только Николай Михайлович Горчаков не был актером, но это особая статья, он ведь работал не только во МХАТе, он режиссер-ученый. Но это не значит, что во МХАТе не было профессионалов-режиссеров, мы все режиссеры по профессии.

— И все же, что вы считали для себя главным — режиссуру или актерство? — спросил я.

После длительной паузы он медленно стал говорить:

— Пожалуй, на такой вопрос я категорически не отвечаю. Я люблю сцену, люблю играть, мне было очень дорого отношение моих учителей ко мне как к актеру. Роль Син-Бин-У была отмечена Станис-

лавским, я играл ее с большим волнением. Мне очень приятно было работать над ролью Манилова, да и каждую роль я готовил с радостью. Это действительно великая радость — работать над новой ролью, находить новые и новые художественные средства. Мне выпала истинная радость играть Алексея Каренина в спектакле «Анна Каренина», дублировать великого Хмелева. Сыграть так, как играл Хмелев, невозможно. Я старался создать свой образ, может быть, не такой жесткий, я бы сказал, металлический, каким Каренин был у него; этого по своим данным я сделать не мог. Мне хотелось передать в образе Каренина и человека-машину, и человека, ищущего ответа на свои чувства, передать его по-своему глубокий и сложный мир. Я жалею, что мне приходится мало выходить на сцену, но я не теряю актерской профессии, я актер! А режиссером я стал с первых лет работы во МХАТе. Мне было очень интересно наблюдать за творчеством своих учителей, и я стремился достигнуть того, что называется режиссерским мышлением, то есть видеть движение образа героя и образ спектакля в целом.

Много мы говорили с Кедровым о роли режиссера в театре. Это было особенно важно, потому что в то время было принято решение упразднить должность художественного руководителя, а во главе творческой деятельности театра ставить главного режиссера.

— Станиславский и Немирович-Данченко не были главными режиссерами и не были художественными руководителями, но именно они направляли творческую жизнь театра. Сейчас административное руководство находится в руках директора, и это правильно, надо, чтобы директор занимался и хозяйственными, и творческими вопросами. Мы, режиссеры, всего этого на себя взять не можем. Слишком усложнились все формы руководства. Стало много учреждений, отчетности, хозяйственных функций. Следовательно, понятие «художественный руководитель» не вбирает в себя всей сложности руководства. А главный режиссер — точнее. Должен быть человек, отвечающий за спектакли, их подготовку, выпуск и, естественно, за их художественный уровень. Что же касается репертуара, то его должны формировать коллективно, но, конечно, главный режиссер играет здесь решающую роль.

Встречался я с ним и позд-

нее, в тот период, когда возник «Современник».

Кедров был сторонником нового театра, в котором почти все актеры и режиссеры были воспитанниками Школы-студии МХАТа. Кедров вел там преподавательскую работу и хорошо знал каждого из «современников». Ему хотелось, чтобы «Современник» был ближе к МХАТу, чтобы студийность его исходила из мхатовских традиций. Но в разговоре с Кедровым я порой все же улавливал нотку какой-то неудовлетворенности не то «Современником», не то собой. Может быть, от того, что «Современник» слишком решительно утверждал свою самостоятельность, и Кедрову мешали какие-то отеческие переживания. Но когда молодой театр на первых порах критиковали, Кедров старался смягчить критику и радовался каждому его успеху.

Во время моей работы в журнале «Театр» я не раз просил М. Н. Кедрова написать статью на любую важную для него тему. Но он всегда отговаривался: «А вы лучше приходите в театр, посидим, поговорим об искусстве. Это будет куда интереснее, чем писать статью. Но вас ведь не вытиснят».

И мы встречались с ним в театре, в закулисных уголках, а статьи не было. Но однажды неожиданно мне позвонили из МХАТа, сказали, что Михаил Николаевич для меня оставил пакет. Так у нас в руках оказалась небольшая рукопись, подписанная Кедровым. Несмотря на то, что дискуссия, к которой она относилась и которую мы вели в течение месяцев, кончилась, статью Кедрова мы напечатали. Он оказался до болезненного беспокойным автором, читал верстку и сверку, вносил поправки, с волнением ожидал выхода журнала. Но в редакции так ни разу и не был: считал, что о театре надо говорить в театре. «Я вам нужен, тогда приходите в театр, здесь и поговорим». И мы ходили к нему.

Последние годы жизни Михаила Николаевича отошел от руководства творческой деятельностью МХАТа, но МХАТ продолжал испытывать на себе его влияние. Мнение Кедрова было для каждого мхатовца дорогим и обязательным.

Мне даже в последние годы жизни Кедрова не казалось, что ему много лет. Когда Михаил Николаевич умер, осталось впечатление, что мы потеряли человека совсем молодого, человека живой души. С Кедровым ушла еще одна страница жизни МХАТа, его истории. Но живая и непреходящая память о нем осталась в творениях, им созданных.

Вл. ПИМЕНОВ,
профессор, заслуженный
деятель искусств РСФСР.

СОВЕТСКИЙ ТЕАТРА
Г. МОСКВА

21 ДЕК 1973